

1996 №6

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТИМНОСТИ

РЕЦЕНЗИИ "ЦИРКА САЛЛИ"

Появление "Трансформации интимности" (GIDDENS A. THE TRANSFORMATION OF INTIMACY. SEXUALITY, LOVE & EROTICISM IN MODERN SOCIETIES. CAMBRIDGE: POLITY.) в длинном списке научных трудов, пожалуй, самого известного из ныне здравствующих английских социологов, автора популярного учебника социологии Антона Гидденса - воистину веяние времени. Похоже на то, что жгучий интерес ко всем аспектам отношений между полами, в особенности, к поименованной в подзаголовке "сексуальности", стал играть столь большую роль в общественном сознании и социальной теории, что автору, считающемуся почти что "живым классиком", просто нельзя было не "отметиться" на этой проблематике. Тема, безусловно, интересная и благодарная, но в то же время не лишенная разнообразных подводных камней. Один из них - неизбежная перспектива как-то обозначить свою позицию по отношению к великим предшественникам, разрабатывавшим эту проблематику, прежде всего, Фрейду и Фуко. Что касается Фрейда, то с ним больших трудностей уже нет. Его знаменитая теория, кажется, настолько обкусана критиками и последователями, что ее можно считать достоянием масс, черпающих из нее сюжеты для увлекательных триллеров - это своего рода фон, знакомый натюрморт на заднем плане, на который можно обращать не больше внимания, чем на портрет вождя мирового пролетариата в кабинете партсекретаря. С Фуко все гораздо сложнее - этот автор стал уже не просто модным философом, а едва ли не гуру для многочисленных рядов социологов-постмодернистов (не говоря уже о постмодернистах). Каждый автор, заступающий в "зону сексуальности", поневоле оказывается накрытым ее обширной тенью - так и книга Гидденса пропитана явной и скрытой полемикой с автором "Истории сексуальности".

В чем же их расхождения? Согласно Фуко, сексуальность выступает в роли главного связующего звена между телом, самоидентификацией и социальными нормами. Эротическое удовольствие становится "сексуальностью" по мере того, как появляются тексты, в которых она изучается как "феномен", и где определяются понятия "нормы" и "отклонения". Соответствующий дискурс создается на базе "научного объяснения" нормы и патологии. Таким образом, по Фуко, происхождение сексуальности связано с отношениями власти. Понятие "сексуальности" формируется в современную эпоху, когда происходит активная социализация природного мира: замещение структур и событий, которые были внешними обстоятельствами по отношению к человеческой деятельности, социально организованными процессами.

То значение, которое придается в современном обществе сексуальности (включая и введение ее как термина), связано как раз с развитием властных отношений. Власть теперь концентрируется не только на теле, используемом как машина в трудовом процессе (о чем писали не только Маркс, но и Вебер, и даже Маркезе), но также на биологических процессах, связанных с репродукцией, здоровьем и продолжительностью жизни. Современные общества, в отличие от докапиталистических, базируются не только на власти отнять жизнь, но и на власти "воспроизводить ее снова и снова" (М.Фуко).

Не то, чтобы Гидденс принципиально отрицал существование "политики жизни", однако он возражает против рассмотрения сексуальности как прежде всего функции, производной от политических, властных отношений. Как бы ни велика была в современной социальной практике роль медицинских текстов, психоаналитиков и прочих "проводников дискурса", регулирующих, согласно Фуко, сознание индивидуума, нельзя считать, что самоидентификация человека создается с помощью специальной "технологии". Скорее, она носит в нашу эпоху проблемный, открытый характер - и на протяжении жизни каждому не раз приходится искать ответ на сакраментальный вопрос: "Кто я?". Манипуляциям сознанием, играющим основную формообразующую роль у Фуко, Гидденс противопоставляет саморефлексию как важнейший инструмент создания (и переосмысления) идентичности. Соответственно, он обращается к другому кругу источников: разного рода психотерапевтическим руководствам из серии "помоги себе сам", а также многочисленным статьям и телепрограммам на эту же тему. Идея кажется интересной - никто еще до сих пор не оценил по достоинству роль этих текстов, помогающих немедленно "перестать беспокоиться и начать жить" в духовных исканиях представителей среднего класса (кстати, вслед за проложившими путь трудами Дейла Карнеги, они лавиной накрыли и отечественный книжный рынок). Гидденс подчеркивает, что освоение природных, биологических процессов и сексуальность теснее всего связаны через социализацию репродуктивного поведения. Наиболее наглядным техническим ее воплощением являются современные средства контрацепции. Впервые в истории человечества его воспроизведение почти целиком зависит от желания индивидуумов иметь детей, как отдельного, автономного фактора. Именно здесь корни происхождения "материнства" и "детства" как социальных институтов. Соответственно, разделились две различные целевые ориентации сексуальной активности: направленная на репродукцию, и ars erotica (по той же линии раздела женщины делились на "чистых" и "нечистых").

Рассуждая о превращениях, которые претерпели в

Мария Снигиревская. "До ст. метро "Василеостровская", 1993г.

современную эпоху отношения между полами, Гидденс перечисляет основополагающие мотивы традиционных представлений о половых различиях: 1) каждый человек является мужчиной или женщиной, никакие "двойственные", промежуточные варианты невозможны; 2) психологические характеристики и особенности поведения всех людей воспринимаются как мужские или женские в соответствии с общими представлениями о том, что является "мужским", а что "женским"; 3) образцы "правильного поведения" строго соответствуют статусам обоих полов; 4) эти образцы, тем не менее, подвергаются постоянной переоценке, при которой "не свойственные полу" элементы отбрасываются; 5) и мужчины, и женщины следят за тем, чтобы их внешность и поведение соответствовали "естественной" половой самоидентификации. В то же время, эти различия касаются не только норм поведения, но и более фундаментальных категорий. По мере развития современного общества контроль над социальным и природным миром - дело мужчин - начал все более связываться с понятием "разума". Разум, как основа представления о вещах, противопоставлялся традиции и догме и - в такой же степени - эмоциям.

Значительная часть книги посвящена внимательному и тонкому анализу того, как эта стройная "просвещенная" картина разумного мира, где каждый пол имеет свою Богом и природой определенную функцию, постепенно размывается, усложняется и запутывается. Но все же не ради этого была она написана: эта книга, несомненно, не "про войну" (пусть даже войну между полами), а "про любовь" - любовь и является главным предметом описания маститого автора.

Гидденс выделяет три основных вида любви, представленных в истории человечества: любовь- страсть (стендальевская amour passion); романтическую любовь; и, наконец, любовь- привязанность, "собственно отношения" (pure relationship). Причем, если любовь- страсть - практически универсальное для всех культур явление, то романтическая любовь имеет гораздо большую культурную специфику. Особое внимание Гидденса к этой разновидности любовных отношений связано с той исключительной ролью, которую она играет в становлении современного человека как историко-культурного типа. В XIX веке заключение браков для значительной части населения имело иные, чем чисто экономические, мотивы. Понятие "романтическая любовь" покинуло пределы круга буржуазии, где оно исключительно применялось до этого. "Романтические истории" стали первой массовой литературой - куда более массовой, чем "регулятивные тексты", на которые ссылается Фуко. Смысл романтической любви в том, что она представляет собой идею связанного рассказа о человеческой жизни, ее важнейшего сюжета. Здесь ключевой элемент саморефлексии, применительно к человеческим отношениям это означает, прежде всего, "приватизацию" данного сюжета. Он становится частью жизни индивидуума.

Исторически понятие "романтическая любовь" близко связано с понятием "свободы" - причем, оба рассматривались, как ценностно окрашенные и желательные состояния. Любовь- страсть, впрочем, также имела мощный освободительный потенциал: но только в том смысле, что означала разрыв, во-первых, с повседневной рутиной, во-вторых, с долгом. Идеалы же романтической любви подразумевали связь свободы с самореализацией. Другая отличительная черта романтической любви - преобладание идеалов возвышенной любви над сексуальными отношениями. Макс Вебер полагал, что эта любовь была одним из оснований протестантской этики. По сути, это притяжение к другому человеку, который сделает жизнь индивидуума "более полной".

Появление романтической любви изменило эмоциональную сферу в соответствии с реалиями современности. До этого